

От установления отцовства до развода прошло больше полугода. Десятый день рождения маленького Шэнь Аня прошел под аккомпанемент материнских рыданий и проклятий.

В тот день, когда мать забрала его, отец Шэнь в одиночестве заперся в кабинете и выкурил две пачки сигарет. Маленький Шэнь Ань впервые увидел отца таким изможденным: небритым, с темными кругами под глазами — казалось, за одну ночь он постарел на пять лет.

Мальчик подбежал к отцу и, заливаясь слезами, спросил:

— Папа, я не хочу уезжать. Можно мне остаться?

Отец Шэнь посмотрел на него и хрипло ответил:

— Сынок, я ведь тебе не родной отец.

Десять лет заботы и любви оказались бессильны перед двумя словами — кровное родство. Таковы глубоко укоренившиеся семейные ценности, и против них не попрешь.

Маленький Шэнь Ань никогда не винил отца за то, что тот не стал его удерживать, и даже не держал зла на ветреную мать. В десять лет ребенок уже всё понимает. И должен учиться принимать правду.

Мать нашла биологического отца мальчика и вышла за него замуж. С того дня в жизни Шэнь Аня начался бесконечный кошмар домашнего насилия.

Тянулось ли это долго? Трудно сказать.

Один год — триста шестьдесят пять дней, восемь тысяч семьсот шестьдесят часов.

Было ли это невыносимо?

Более чем.

Одиннадцать лет, пятый класс. За день до начала занятий тот человек снова избил его до полусмерти. На следующее утро Шэнь Ань, не в силах идти в школу, сидел на парковой скамейке и размышлял о своем будущем.

Вдруг кто-то позвал его по детскому прозвищу. Шэнь Ань поднял голову и увидел отца.

Отец был одет в старую, но опрятную одежду и выглядел гораздо бодрее, чем год назад. Увидев следы побоев на теле сына, он ошеломился и, подойдя ближе, спросил:

— Кто тебя так отделал? Подрался с одноклассниками? Давай я отведу тебя к врачу, хорошо?

У Шэнь Аня мгновенно защипало в глазах.

Целый год он терпел побои и унижения, чувствовал лишь страх и ужас, но никогда не испытывал жалости к самому себе. А сейчас, от одного-единственного слова участия, на сердце стало невыносимо горько.

Мальчик отпрянул от протянутой руки отца и, отвернувшись, бросился наутек. В тот день он спрятался в глухом углу и плакал навзрыд, пока не сорвал голос.

Он не то чтобы не хотел просить о помощи или жаловаться, но какой в этом был толк? Учителя приходили и уходили, полиция тоже, а в конце его всегда ждали лишь новые побои.

Но потом пришел отец.

И... не ушел.

Отец Шэнь пытался добиться опеки над мальчиком, но, поскольку не был биологическим родителем, законных оснований не имел. Мать с тем мужчиной полгода вымогали у него деньги, прежде чем позволили забрать Шэнь Аня.

Все вокруг смеялись над отцом Шэнем: мол, жена наставила рога, а он еще и чужого сына воспитывает. Но отец Шэнь лишь счастливо купил мальчику новую одежду, огромный торт и, взяв его за руку, устроил ему настоящий одиннадцатилетний день рождения.

В отличие от других детей, Шэнь Ань рано научился угождать своим благодетелям, занимая самую смиренную позицию. Он понимал, что отец Шэнь не обязан его растить, и боялся, что тот вернет его биологическому отцу, поэтому старался быть идеальным ребенком — порой доходя до болезненных крайностей.

К счастью, это смирение постепенно исчезло под влиянием терпения и ласки отца. Они прожили несколько спокойных лет, Шэнь Ань оправдал ожидания и поступил в театральный институт на актерский факультет.

Но судьба распорядилась иначе: на втором курсе отец Шэнь внезапно слег с болезнью.

Последующие шесть лет его преданности и сыновней любви были проявлением чувств, выросших из боли, из познания самых темных сторон жизни. Это была не кровная связь, а то, что называют семьей.

Вечером того же дня Му Уя действительно появился у порога палаты. После того как Шэнь Ань несколько раз переспросил врачей и медсестер, можно ли ему уйти, он наконец последовал за Му Уя к машине.

Му Уя не сел за руль сам, его вез водитель. Шэнь Ань сидел на заднем сиденье, опустив голову и чувствуя себя как на иголках. Му Уя был очень занят: всю дорогу он не выпускал из рук документы и разговаривал по телефону через гарнитуру, даже во время ужина продолжая просматривать контракты.

Шэнь Ань хотел что-то сказать, но колебался. Наконец он решился:

— Твой гастрит... тебе стало лучше?

— М? — Му Уя поднял голову и улыбнулся. — Да, немного лучше.

Шэнь Ань кивнул. Видя, что Му Уя снова тянется к бумагам, он тихо произнес:

— Может, не стоит читать контракты во время еды? Это вредно для желудка...

Му Уя замер и, приподняв бровь, посмотрел на Шэнь Аня. В его глазах играла открытая улыбка. Шэнь Ань занервничал и добавил еще тише:

— Я, наверное, слишком много на себя беру, я просто...

На полуслове он осекся. Му Уя отложил контракт и с усмешкой спросил:

— Просто что?

Шэнь Ань посмотрел на кашу с яйцом и свининой перед собой и тихо ответил:

— Просто беспокоюсь. Не сочти меня назойливым. Прости, я лезу не в свое дело.

Му Уя весело рассмеялся:

— Брат, когда ты лезешь в мои дела, это называется не назойливость, а забота о доме.

Шэнь Ань поперхнулся кашей.

— Ешь медленнее, не торопись, — сказал Му Уя.

Шэнь Ань, покрасневший от кашля, в панике схватил салфетку и торопливо закивал. Му Уя с улыбкой уткнулся в свою тарелку и больше не взглянул на документы.

После ужина Му Уя сразу отвез Шэнь Аня к себе домой. Заметив беспокойство за отца, он успокоил его:

— Я попросил тетю Ван присмотреть за дядей, не волнуйся. Тебе самому пора отдохнуть.

Увидев, что Шэнь Ань кивнул, Му Уя проводил его в гостевую комнату. Она была небольшой, но

очень уютной. Му Уя сказал, что в шкафу есть чистая одежда, и вышел.

Шэнь Ань чувствовал, что от него до сих пор пахнет больничными антисептиками, поэтому сразу пошел в ванную. Выйдя оттуда, он увидел, что Му Уя сидит на краю кровати.

Тот тоже успел принять душ. Влажные волосы падали на лоб, смягчая его зрелые черты, и он стал до боли похож на того юношу, каким был три года назад. Шэнь Ань на мгновение замер, погрузившись в воспоминания.

Увидев, что Шэнь Ань вышел из окутанной паром ванной, Му Уя улыбнулся и сказал:

— Брат, снимай штаны.

<http://bllate.org/book/18638/1794859>